

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-4-31-53-61

EDN: ALYCPU

Лексема «что-то» как средство выражения иронии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Михаил Николаевич Кулаковский

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kulmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования лексемы *что-то* в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Характеризуются основные направления исследования творчества М. А. Булгакова (анализ текстов в аспекте современного восприятия, с точки зрения природы мистического, в свете понятия «меланхолия», с точки зрения реализации метаморфозы как художественного тропа, в аспекте проявления утопических мотивов, с точки зрения авторского замысла на основе текстологического анализа, определение способов речевой портретизации персонажей, влияния конкретного дискурса на особенности художественного повествования, выявление особенностей пространственно-временной организации текстов, воплощения конкретных образов, особенностей репрезентации концептов, функции конкретных лексем в тексте). Отмечается, что основой для создания комического эффекта при употреблении лексемы *что-то* в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» служит формальная, внешне ничем не мотивированная неосведомленность повествователя, которая позволяет создать атмосферу загадочности, подчеркивает формальную отстраненность автора. В работе определяются наиболее характерные аспекты актуализации при использовании данной лексемы (актуализация источника звука, зрительного образа, событийного ряда произведения, внутреннего состояния персонажа). Проведенный в работе анализ позволяет выявить наиболее типичные средства создания комического в прозе М. А. Булгакова: включение дополнительного информативного компонента, обычно характеризующего образ действия, актуализация следующего далее оксюморона, отсылка к определенной комической ситуации, ситуативное моделирование, сопоставление заявленной цели действия персонажа и его конкретной реализации, контраст между формальным внешним проявлением признака и его восприятием окружающими или оценочной характеристикой.

Ключевые слова: комическое; ирония; художественный текст; средства создания комического; неопределенное местоимение; речевая игра; субъектно-речевой план

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Лексема «что-то» как средство выражения иронии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 53–61. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-53-61>. <https://elibrary.ru/ALYCPU>

Original article

The lexeme «something» as a means of expressing irony in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita»

Mikhail N. Kulakovsky

Candidate of philological sciences, associate professor, the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kulmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Abstract. The article considers the use of the lexeme something in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». The main directions of studying M. A. Bulgakov's work are characterized (text analysis in terms of modern perception, from the perspective of the nature of the mysterious, in the light of the «melancholy» concept, from the viewpoint of realizing metamorphosis as an artistic trope, in the aspect of manifesting utopian motifs, in terms of the author's intention on the basis of textual analysis, determining the means of portraying characters' speech, the influence of a particular discourse on the narrative features, identifying the specifics of the spatial and temporal text structure, the embodiment of certain images, peculiarities of representing concepts, functions of certain lexemes in the text). The authors

note that the basis for the comic effect created by using the lexeme « something » in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» is a formal, seemingly unmotivated ignorance of the narrator, which creates an atmosphere of mystery and emphasizes the formal aloofness of the author. The article identifies the most characteristic aspects of actualization when using this lexeme (actualization of the sound source, visual image, events of the novel and the inner state of the character). The analysis conducted in this study helps to identify the most typical means for creating the comic effect in M. A. Bulgakov's prose: using an additional informative component, usually characterizing the course of action, actualizing the oxymoron following it, the reference to a certain comic situation, situational modeling, comparing the declared goal of the character and its realization, contrasting the formal external manifestation of a feature and its perception or evaluation by others.

Key words: comic; irony; literary text; means of creating the comic; indefinite pronoun; language game; subject-speech plan

For citation: Kulakovskiy M. N. The lexeme «something» as a means of expressing irony in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(4):53–61. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-53-61>. <https://elibrary.ru/ALYCPU>

Введение

Материалом нашего исследования послужило творчество М. А. Булгакова, которое привлекает внимание многих современных исследователей. Тексты Булгакова рассматриваются в различных аспектах: в аспекте их современного восприятия [Капрусова, 2020], с точки зрения природы мистического в текстах Булгакова [Немцев, 2020], в свете понятия «меланхолия» [Джулиани, 2020], с точки зрения «реализации метаморфозы как художественного тропа и отправной точки развития сюжетных линий» [Явинская, Карпухина, 2020, с. 131], в аспекте проявления утопических мотивов [Файзрахманова, Козлова, 2020], с точки зрения авторского замысла на основе текстологического анализа [Кольшева, 2021].

Анализируются особенности конкретных образов произведений Булгакова [Платонова, 2020], способы речевой портретизации персонажей [Флигинских, 2020], влияние театрального дискурса на особенности художественного повествования [Доронина, 2019], особенности пространственно-временной организации текстов [Бесаева, 2020], постмодернистский аспект творчества Булгакова [Капец, 2020], сталинский дискурс в творчестве писателя [Яблоков, 2020], воплощение образов дома и дороги [Бердяева, 2021], света и тьмы [Дождикова, 2021]. Объектом исследования в языке писателя становится зооморфная метафора [Карпухина, 2020], особенности репрезентации концепта «зло» [Сушенок, 2020], функция частицы *вот* [Лукиянова, 2020].

Средства создания комического также привлекают внимание многих исследователей. Так, объектом анализа в данном аспекте является творчество М. М. Зощенко [Богачева, Ярошенко, 2021], А. П. Платонова [Небренчина, 2021], проза С. Д. Довлатова [Кулаковский, 2010], пьесы М. А. Булгакова [Головчинер, Веснина, 2021], по-

литический газетный дискурс [Семенова, 2021], развлекательный радиоэфир [Букина, 2021]. Рассматриваются вопросы взаимосвязи реальности и вымысла в комическом [Ibragimova, 2021], языковые средства комического в кликбейте [Prokofeva, Akulovich, 2021]. Анализируются такие средства создания комического, как метафора [Стоянова, 2020], гипербола [Печеникина, 2021], вставные конструкции [Кулаковский, 2017], фразеологизмы, обладающие коммуникативно-прагматической целеустановкой на создание комического эффекта [Бондаренко, 2021].

Лексема «что-то» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Активное использование неопределенных местоимений и наречий является одной из ярких особенностей стилевой манеры М. А. Булгакова (подробнее об этом см.: [Кулаковский, 2008]). Одной из таких единиц является лексема *что-то*. Рассмотрим основные особенности ее функционирования в качестве средства создания иронии.

Лексемы с постфиксом *-то* указывают на предметы или признаки, не известные ни адресанту (автору или повествователю), ни адресату (читателю). В этом в значительной степени и кроется тот потенциал, который используется при создании комического эффекта, поскольку если неосведомленность читателя может мотивироваться определенными авторскими интенциями, то неосведомленность повествователя вроде бы ничем не оправдана, а следовательно – чаще всего служит внешним проявлением речевой игры с читателем.

При этом автор может сознательно выстраивать целую цепочку взаимосвязанных образов, в качестве скрепы для которой выступает неопределенное местоимение: *Аннушка едва вслух что-то не пискнула, протирая глаза. Замыкал шествие маленького роста прихрамывающий ино-*

странец с кривым глазом, без пиджака, в белом фрачном жилете и при галстуке. Вся эта компания мимо Аннушки проследовала вниз. Тут **что-то** стукнуло на площадке. Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея, выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, пала животом на площадку и стала шарить. В руках у неё оказалась салфеточка с **чем-то** тяжёлым [Булгаков, 1999].

Достаточно часто актуализируется неопределенность источника звука: *И ровно в полночь в первом из них **что-то** грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало* [Булгаков, 1999]. Подобная неопределенность позволяет создать атмосферу загадочности, подчеркивает формальную отстраненность автора: *Маргарита повесила трубку, и тут в соседней комнате **что-то** деревянно заковыляло и стало биться в дверь* [Булгаков, 1999]. Сравним с примерами, когда автор намеренно (в рамках вставной конструкции) указывает на причину появления звука: *На обеденном столе **что-то** стукнуло (это Никанор Иванович уронил ложку на клеёнку)* [Булгаков, 1999].

В других случаях неопределенность позволяет передать восприятие ситуации самим персонажем: *Открыв слегка глаза, он увидел себя сидящим на чём-то каменном. Вокруг него **что-то** шумело. Когда он открыл, как следует, глаза, он увидел, что шумит море, и что даже больше того, – волна покачивается у самых его ног* [Булгаков, 1999]. Таким образом, информативное развертывание текста строится на переходе от субъективного восприятия к объективному (что в определенной степени отражает изменение внутреннего состояния героя).

Подобная информативная трансформация может быть представлена и в рамках субъектно-речевого плана персонажа: *Да, да, конечно, и это. Но это – так ведь, общая мысль. А вот есть **что-то** ещё. Что же это? Обида, вот что* [Булгаков, 1999].

Актуализироваться может и неопределенность восприятия зрительного образа: *Он постарался выяснить хотя бы последнее и для этого разлепил слипшиеся веки левого глаза. В полутьме **что-то** тускло отсвечивало. Стёпа наконец узнал трюмо и понял, что он лежит навзничь у себя на кровати* [Булгаков, 1999]. Автор сознательно стремится отразить особенности восприятия действительности персонажем.

Авторскую иронию может формировать контраст между детализацией в рамках зрительного образа и намеренным подчеркиванием неопреде-

ленности. Так, в следующем примере *что-то* в кастрюльке контрастирует с подробным описанием сервировки стола: *Стёпа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, **что-то** в кастрюльке и, наконец, водка в объёмистом ювелиришином графинчике* [Булгаков, 1999].

Неопределенность может быть связана и с событийным рядом произведения: *Тут **что-то** странное случилось с Иваном Николаевичем* [Булгаков, 1999]. Аналогично – и в рамках субъективного восприятия ситуации самим персонажем: *– Я не пьян, – хрипло ответил Стёпа, – я болен, со мной **что-то** случилось, я болен...* [Булгаков, 1999].

Использование данной лексемы позволяет передать противоречивость, неустойчивость внутреннего состояния героя: ***Что-то** ещё жгуче беспокоило финдиректора, но что именно, он не мог понять, как ни напрягал воспалённый мозг, сколько ни всматривался в Варенуху* [Булгаков, 1999].

В других примерах неопределенность значения у местоимения *что-то* мотивирует его контекстуальную соотнесенность с интуицией, внутренним голосом: ***Что-то** подсказывало Поплавскому, что человек этот очень скоро выйдет из квартиры* [Булгаков, 1999].

Подобный образ может приобретать в тексте произведения и более отрицательную коннотацию: *Чума-Аннушка вставала почему-то чрезвычайно рано, а сегодня **что-то** подняло её совсем ни свет ни заря, в начале первого* [Булгаков, 1999].

Лексема *что-то* чаще всего выступает в качестве управляемого компонента при глаголе. Обычно главным компонентом является глагол речи, а ирония мотивируется неопределенностью содержания высказывания: *А ещё через час неизвестный гражданин явился в квартиру номер одиннадцать, как раз в то время, когда Тимофей Кондратьевич рассказывал другим жильцам, захлебываясь от удовольствия, о том, как замели председателя, пальцем выманил из кухни Тимофея Кондратьевича в переднюю, **что-то** ему сказал и вместе с ним пропал* [Булгаков, 1999].

Актуализировать значение неопределенности может и препозиция местоимения: *Никанора Ивановича вызывали в переднюю его квартиры, брали за рукав, **что-то** шептали, подмигивали и обещали не остаться в долгу* [Булгаков, 1999].

Передача внутреннего состояния персонажа (обычно напряженных психических состояний, например возбуждения, растерянности) часто строится на контаминации семантики глагола речи и местоименной лексемы: *Поэт не глядел уже по сторонам, а, уставившись в грязный трясущийся пол, стал **что-то** бормотать, нить, глодая самого себя* [Булгаков, 1999].

Здесь следует отметить достаточно регулярное употребление подобной конструкции у Булгакова: *Рассказывали, что на Никаноре Ивановиче лица не было, что он пошатывался, проходя, как пьяный, и **что-то** бормотал* [Булгаков, 1999]. *Иван почему-то страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом **что-то** начал бормотать про какую-то поездку в санаторий в Ялту...* [Булгаков, 1999].

Аналогичную картину наблюдаем и при употреблении деепричастия в роль главного слова: *Вместе с этими предметами он покинул неизвестную квартиру, **что-то** бормоча, конфузясь при мысли о том, что он только что пережил в ванной* [Булгаков, 1999]. *Крестясь и **что-то** бормоча, пролетел печальный человек, без шляпы, с совершенно безумным лицом, исцарапанной лысиной и в совершенно мокрых штанах* [Булгаков, 1999].

Создание комического эффекта может быть связано с включением дополнительного информативного компонента, обычно характеризующего образ действия: *Когда он распаковал свой груз, в глазах у него зарябило, он **что-то** промычал болезненно* [Булгаков, 1999].

Подобный компонент может быть и достаточно неожиданным: *За одной из дверей гулкой мужской голос в радиоаппарате сердито кричал **что-то** стихами* [Булгаков, 1999]. Комизм строится на окказиональности сочетания *кричал стихами*. При этом местоимение, формально завершая информативное развертывание высказывания, делает появление дополнительного компонента еще более неожиданным, тем самым актуализируя его.

При последовательном употреблении лексемы может формироваться сквозной образ: *Василий Степанович сперва отвечал **что-то**, отвечала и кассирша, бормотали **что-то** в телефон капельдинеры, а потом и вовсе перестали отвечать, потому что на вопросы, где Лиходеев, Варенуха, Римский, отвечать было решительно нечего* [Булгаков, 1999].

Лексема *что-то* может актуализировать следующий далее оксюморон: *Низенький, совершенно квадратный человек, бритый до синевы, в ро-*

*говых очках, в новенькой шляпе, не измятой и без подтёков на ленте, в сиреновом пальто и лайковых рыжих перчатках, стоял у прилавка и **что-то** повелительно мычал* [Булгаков, 1999].

Часто в подобных конструкциях используются глаголы со значением мыслительных процессов. Авторская ирония в этих случаях может основываться на отсылке к определенной (а часто и уже известной читателю) комической ситуации: *Стёпа старался **что-то** припомнить, но припоминалось только одно – что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму, причём обещал ей, что на другой день, и ровно в полдень, придёт к ней в гости* [Булгаков, 1999].

В других случаях автор предлагает читателю самостоятельно смоделировать ситуацию, представить ход мысли персонажа: *Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стёклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевёл его вниз, где стёкла начали предвечерне темнеть, **чему-то** снисходительно усмехнулся* [Булгаков, 1999].

Подобное моделирование возможно и при актуализации зрительного плана восприятия (передаче действий или жестов персонажа): *Конференсье плакал, ловил в воздухе **что-то** руками* [Булгаков, 1999].

Зрительный образ может строиться на основе противопоставленности: *Продавцы за рыбным прилавком как окаменели со своими ножами в руках, сиреневый иностранец повернулся к грабителям, и тут же обнаружилось, что Бегемот не прав: у сиреневого не хватало **чего-то** в лице, а, наоборот, скорее было лишнее – висящие щёки и бегающие глаза* [Булгаков, 1999].

Актуализироваться могут и гипотетические действия персонажа: *Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая рассказки обо всех этих чудесах, и решительно не знал, что ему предпринять, а между тем предпринимать нужно было **что-то**, и именно ему, так как он теперь остался старшим во всей команде Варьете* [Булгаков, 1999].

Значительно реже в роли главного компонента в словосочетании с лексемой *что-то* выступает деепричастие: *Взволнованные люди пробежали мимо поэта по аллее, **что-то** восклицая, но Иван Николаевич их слов не воспринимал* [Булгаков, 1999].

При этом возникающее значение неопределённости может усиливаться за счет использования

сравнения (которое актуализирует проявление субъективной авторской модальности): *Вырвавшись из подворотни, буфетчик диковато оглянулся, как будто что-то ища* [Булгаков, 1999].

Следует отметить, что местоимение в подобных конструкциях опять же чаще представлено в препозиции. Постпозиция встречается в тех случаях, когда для формирования образа (чаще всего зрительного) требуется дальнейшее информативное расширение: *Нагая ведьма, та самая Гелла, что так смутила почтенного буфетчика Варьете, и, увы, та самая, которую, к великому счастью, вспугнул петух в ночь знаменитого сеанса, сидела на коврикe на полу у кровати, помешивая в кастрюле что-то, от чего валил серный пар* [Булгаков, 1999].

Аналогичную тенденцию наблюдаем и при употреблении в роли главного компонента причастной формы: *Он шёпотом сообщил Ивану, что в 119-ю комнату привезли новенького, какого-то толстяка с багровой физиономией, всё время бормочущего что-то про какую-то валюту в вентиляции и клянущегося, что у них на Садовой поселилась нечистая сила* [Булгаков, 1999].

В роли семантического конкретизатора лексики *что-то* часто выступает прилагательное: *Из этих отрывочных кусочков Маргарита Николаевна кое-как составила что-то связанное* [Булгаков, 1999].

Достаточно регулярно используются прилагательные с префиксом *не-* (со значением признака, который характеризуется противоположностью): *Вследствие этого что-то неясное томилло душу председателя, и всё-таки он решил принять предложение* [Булгаков, 1999].

При этом речевая игра автора может отталкиваться от представленной в тексте антонимии: *В предложении переводчика заключался ясный практический смысл, предложение было очень солидное, но что-то удивительно несолидное было и в манере переводчика говорить, и в его одежде, и в этом омерзительном, никуда не годном пенсне* [Булгаков, 1999].

Следует отметить, что в подобных прилагательных обычно представлена сема необычности, неожиданности проявляющегося признака: *Одно он мог утверждать, что было что-то невиданное, неестественное в этом соединении администратора с хорошо знакомым креслом* [Булгаков, 1999].

Подобная неожиданность может мотивироваться проявлением субъектно-речевого плана персонажа: *Желание изобличить злодеев душило*

администратора, и, как это ни странно, в нём зародилось предвкушение чего-то приятного [Булгаков, 1999].

Актуализация этого значения может быть связана с использованием наречия степени: *Выходило что-то совершенно несусветное: пропала вся головка администрации, вчера был странный скандальный сеанс, а кто его проводил и по чьему наущению – неизвестно* [Булгаков, 1999].

В других случаях актуализация признака связана с использованием сравнения (позволяющего сформировать самостоятельный художественный образ, в котором проявляется авторская ирония): *И со слухом совершилось что-то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...»* [Булгаков, 1999].

Вводное слово, формально разрывающее подобное словосочетание, также может обратить внимание читателя на значимость представленного в контексте признака: *Выходило что-то, воля ваша, несусветное* [Булгаков, 1999]. Аналогично в рамках субъектно-речевого плана персонажа: *Совсем худо, – заключил хозяин, – что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застойной беседы* [Булгаков, 1999].

В некоторых примерах представлена комбинация подобных средств актуализации: *Буфетчик из вежливости положил кусочек в рот и сразу понял, что жуёт что-то действительно очень свежее и, главное, необыкновенно вкусное* [Булгаков, 1999].

Авторская ирония может основываться на взаимодействии различных информативных средств актуализации. Так, в следующем примере комический эффект возникает из сопоставления заявленной цели действия персонажа и его конкретной реализации (в речевом плане): *Намучавшись с этими двумя Берлиозами, Иван всё зачеркнул и решил начать сразу с чего-то очень сильного, чтобы немедленно привлечь внимание читающего, и написал, что кот садился в трамвай, а потом вернулся к эпизоду с отрезанной головой* [Булгаков, 1999].

Контраст между формальным внешним проявлением признака и его восприятием окружающими также может стать основой проявления авторской иронии: *Девушка хоть и с хрипотцой, но сладко запела, картавя, что-то малопонятное, но, судя по женским лицам в партере, очень соблазнительное* [Булгаков, 1999].

Внешнее проявление признака может контрастировать и с представленной оценочной характеристикой: *Что-то на редкость фальшивое и неуверенное* чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон [Булгаков, 1999].

Использование в контексте нескольких неопределенных местоимений, взаимодействующих между собой, позволяет актуализировать информативное развертывание образа: *Было кое-что, что представлялось ещё более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях в Пушкине, и это что-то* было изменением во внешности и в манерах администратора [Булгаков, 1999].

В тексте романа представлены и случаи употребления лексемы *что-то* в устойчивых конструкциях «*что-то вроде + N₂*»: *Несколько раз он пытался подняться, но ноги его не слушались – с Бездомным приключилось что-то вроде паралича* [Булгаков, 1999].

Подобные употребления актуализируют значение неопределенности, в первую очередь – в плане оценки (часто с привлечением сравнения): *Важно не это, а важно то, что в Варьете после всего этого началось что-то вроде столпотворения вавилонского* [Булгаков, 1999].

Подобное проявление субъективной модальности может быть представлено и в речевом плане персонажа (в этом случае обычно подчеркивается неоднозначность восприятия ситуации самим героем произведения, вызванного его внутренним состоянием): *Даже что-то вроде галлюцинации было, – он попытался усмехнуться, но в глазах его ещё прыгала тревога, и руки дрожали* [Булгаков, 1999].

Определенное противоречие (которое, кстати, и лежит в основе создания комического эффекта) возникает при употреблении данной конструкции вместе с прямой речью. В этом случае неопределенность значения выражения в целом контрастирует с точностью, представленной в рамках цитирования: *Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» – и громко и радостно объявил: – Вам отрежут голову!* [Булгаков, 1999]. *Голос грустного человека... да, это его голос... Произнёс что-то вроде «Оставь, Христа ради...»* [Булгаков, 1999].

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что основой для создания комического эффекта при употреблении лексемы *что-то* в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» служит формальная, внешне ничем не мотивированная неосведомленность повествователя. Подобная неопределенность позволяет создать атмосферу загадочности, подчеркивает формальную отстраненность автора.

Наиболее характерной при использовании данной лексемы является актуализация источника звука, зрительного образа, событийного ряда произведения, внутреннего состояния персонажа.

Чаще всего лексема *что-то* выступает в качестве управляемого компонента при глаголе. Обычно главным компонентом является глагол речи, а ирония мотивируется неопределенностью содержания высказывания. При этом значение неопределенности чаще всего актуализируется в препозиции.

В роли семантического конкретизатора лексемы *что-то* последовательно выступает прилагательное (обычно с семой нестандартности, неожиданности проявляющегося признака).

Создание комического эффекта может быть связано с включением дополнительного информативного компонента, обычно характеризующего образ действия, актуализацией следующего далее оксюморона, отсылкой к определенной комической ситуации, ситуативным моделированием, сопоставлением заявленной цели действия персонажа и его конкретной реализации, контрастом между формальным внешним проявлением признака и его восприятием окружающими или оценочной характеристикой. Комический эффект при употреблении лексемы *что-то* в устойчивых конструкциях «*что-то вроде + N₂*» базируется на противоречии между неопределенностью значения выражения в целом и точностью цитирования.

Библиографический список

1. Бердяева О. С. Дом и дорога в рассказах М. А. Булгакова 20-х годов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 12–17.
2. Бесаева М. Р. Категории времени и пространства в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Интернаука. 2020. № 1-2 (130). С. 19–20.
3. Богачева И. В., Ярошенко Д. Т. Комическое в произведениях М. М. Зощенко // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 6 (57). С. 281–286.

4. Бондаренко В. Т. О смехе в русской фразеологии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. № 1 (5). С. 69–75.
5. Букина Т. Г. Средства создания комического эффекта в развлекательном радиоэфире // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 2. С. 35–43.
6. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. Москва : Голос, 1999. 608 с.
7. Головчинер В. Е., Веснина Т. Л. Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов. Томск : Издательство Томского университета, 2021. 140 с.
8. Джулиани Р. Булгаков и герои «Мастера и Маргариты» в зеркале меланхолии // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью. Коллективная монография. Санкт-Петербург, 2020. С. 137–151.
9. Дождикова Н. А. Свет и тьма в художественном мире М. Булгакова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 33–37.
10. Доронина Т. В. Влияние театрального дискурса на особенности художественного повествования в романе М. А. Булгакова «Жизнь господина де Мольера» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 4 (35). С. 64–73.
11. Капец О. В., Капец В. П. Постмодернистский аспект творчества М. А. Булгакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 2 (257). С. 114–120.
12. Капрусова М. Н. Творчество М. А. Булгакова на фоне современности: некоторые замечания // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26). С. 22.
13. Карпухина В. Н. Зооморфная метафора как художественный троп в нарративе романа «Белая гвардия» М. А. Булгакова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2020. № 11 (20). С. 93–97.
14. Колышева Е. Ю. Пространство «вечного дома» в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 107–118.
15. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания иронии в повести С. Довлатова «Ремесло» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. Т. 1. С. 166–169.
16. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания комического в художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 90–96.
17. Кулаковский М. Н. Неопределенные местоимения и наречия как средство создания комического в прозе М. Булгакова // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 2 (55). С. 131–134.
18. Лукьянова В. В. Функции частицы вот в художественном тексте (на материале произведений М. А. Булгакова) // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. Материалы III международного форума. Владивосток, 2020. С. 298–302.
19. Небренина А. В. Приемы и способы выражения комического в языке художественной прозы А. П. Платонова // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума. Воронеж, 2021. С. 154–158.
20. Немцев В. И. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: природа мистического // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью. Коллективная монография. Санкт-Петербург, 2020. С. 305–347.
21. Печеникина А. А. Гипербола как прием создания комических эффектов в художественном тексте // Modern Science. 2021. № 4-3. С. 425–427.
22. Платонова М. Р. Лингвистическая реконструкция образа Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Актуальные исследования. 2020. № 12 (15). С. 38–40.
23. Семенова А. В. Языковая реализация комического в политическом газетном дискурсе // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 38. С. 1104–1109.
24. Стоянова Е. В. Метафора в контексте комического в медиатексте // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 2. С. 225–237.
25. Сушенок М. О. Особенности репрезентации концепта «зло» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и текстах его переводов // Филологический аспект. 2020. № 12 (68). С. 61–65.
26. Файзрахманова А. А., Козлова К. О. Об утопических мотивах в публицистике М. А. Булгакова // Казанская наука. 2020. № 3. С. 24–26.
27. Флигинских Ю. Ю. Способы речевой портретизации персонажа (на примере образа Фагота-Коровьева в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 1. С. 2.
28. Яблоков Е. А. Сталинский дискурс в творчестве М. А. Булгакова // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 2. С. 180–199.
29. Явинская Ю. В., Карпухина В. Н. Метаморфоза как форма художественной реальности в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2020. № 6. С. 131–136.
30. Ibragimova J. T. Convergence of reality and fiction in the comic as a determination of the phenomena of being // Вопросы истории. 2021. № 7-2. С. 200–205.
31. Prokofeva N. A., Akulovich I. A. The language means of comicality in clickbait headings // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2021. Т. 20. № 3. С. 151–165.

Reference list

1. Berdjaeva O. S. Dom i doroga v rasskazah M. A. Bulgakova 20-h godov = Home and road in M. A. Bulgakov's stories of the 1920s // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1 (34). S. 12–17.

2. Besaeva M. R. Kategorii vremeni i prostranstva v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Categories of Time and Space in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» // Internauka. 2020. № 1-2 (130). S. 19–20.
3. Bogacheva I. V., Jaroshenko D. T. Komicheskoe v proizvedenijah M. M. Zoshhenko = The comical in M. M. Zoshchenko's works // Alleja nauki. 2021. T. 1. № 6 (57). S. 281–286.
4. Bondarenko V. T. O smehe v russkoj frazeologii = On laughter in Russian phraseology // Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie. 2021. № 1 (5). S. 69–75.
5. Bukina T. G. Sredstva sozdanija komicheskogo jef-fekta v razvlekatel'nom radiojefire = Means of creating a comic effect in entertainment radio broadcasting // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2021. T. 27. № 2. S. 35–43.
6. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij = Collected works : V 10 t. T. 9. Moskva : Golos, 1999. 608 s.
7. Golovchiner V. E., Vesnina T. L. Komicheskoe v p'esah M. Bulgakova 1920-h godov = The comical in M. Bulgakov's plays of 1920s. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2021. 140 s.
8. Dzhuliani R. Bulgakov i geroi «Mastera i Margarity» v zerkale melanhonii = Bulgakov and the characters of The Master and Margarita in the mirror of melancholy // Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: dialog s sovremennost'ju. Kollektivnaja monografija. Sankt-Peterburg, 2020. S. 137–151.
9. Dozhdikova N. A. Svet i t'ma v hudozhestvennom mire M. Bulgakova = Light and darkness in M. Bulgakov's artistic world // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1 (34). S. 33–37.
10. Doronina T. V. Vlijanie teatral'nogo diskursa na osobennosti hudozhestvennogo povestvovanija v romane M. A. Bulgakova «Zhizn' gospodina de Mol'era» = The influence of theatrical discourse on the literary narrative in M. A. Bulgakov's novel «The Life of Monsieur de Moliere» // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2019. № 4 (35). S. 64–73.
11. Kapec O. V., Kapec V. P. Postmodernistskij aspekt tvorcestva M. A. Bulgakova = The postmodern aspect of M. A. Bulgakov's work // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvedenie. 2020. № 2 (257). S. 114–120.
12. Kaprusova M. N. Tvorcestvo M. A. Bulgakova na fone sovremennosti: nekotorye zamechanija = M. A. Bulgakov's work against the background of modernity: some remarks // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 1 (26). S. 22.
13. Karpuhina V. N. Zoomorfnaja metafora kak hudozhestvennyj trop v narrative romana «Belaja gvardija» M. A. Bulgakova = Zoomorphic metaphor as an artistic trope in the narrative of M. A. Bulgakov's novel The White Guard // Chelovek i jazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. 2020. № 11 (20). S. 93–97.
14. Kolysheva E. Ju. Prostranstvo «vechnogo doma» v istorii teksta romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = The space of the «eternal home» in the text history of M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2021. № 1. S. 107–118.
15. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo sozdanija ironii v povesti S. Dovlatova «Remeslo» = Inserted constructions as a means of creating irony in S. Dovlatov's story The Craft // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2010. № 3. T. 1. S. 166–169.
16. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo sozdanija komicheskogo v hudozhestvennom tekste = Inserted constructions as a means of creating a comic effect in literary text // Verhnevzhskij filologičeskij vestnik. 2017. № 4. S. 90–96.
17. Kulakovskij M. N. Neopredelennye mestoimenija i narechija kak sredstvo sozdanija komicheskogo v proze M. Bulgakova = Indefinite pronouns and adverbs as a means of creating the comical in M. Bulgakov's prose // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2008. № 2 (55). S. 131–134.
18. Luk'janova V. V. Funkcii chasticy vot v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij M. A. Bulgakova) = Functions of the particle «here» in a literary text (in M. A. Bulgakov's works) // Russkij jazyk, literatura i kul'tura v prostranstve ATR. Materialy III mezhdunarodnogo foruma. Vladivostok, 2020. S. 298–302.
19. Nebrenchina A. V. Priemy i sposoby vyrazhenija komicheskogo v jazyke hudozhestvennoj prozy A. P. Platonova = Techniques and ways of expressing the comical in the language of A. P. Platonov's prose // Problemy gumanitarnyh nauk i obrazovanija v sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskogo nauchno-praktičeskogo foruma. Voronezh, 2021. S. 154–158.
20. Nemcev V. I. Roman Mihaila Bulgakova «Master i Margarita»: priroda mističeskogo = Mikhail Bulgakov's novel The Master and Margarita: the nature of the mystical // Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: dialog s sovremennost'ju. Kollektivnaja monografija. Sankt-Peterburg, 2020. S. 305–347.
21. Pechenikina A. A. Giperbola kak priem sozdanija komicheskikh jefektov v hudozhestvennom tekste = Hyperbole as a means of creating comic effects in a literary text // Modern Science. 2021. № 4-3. S. 425–427.
22. Platonova M. R. Lingvističeskaja rekonstrukcija obraza Pontija Pilata v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Linguistic reconstruction of the image of Pontius Pilate in M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita // Aktual'nye issledovanija. 2020. № 12 (15). S. 38–40.
23. Semenova A. V. Jazykovaja realizacija komičeskogo v političeskom gazetnom diskurse = Linguistic realization of the comical in political newspaper discourse // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 38. S. 1104–1109.

24. Stojanova E. V. Metafora v kontekste komicheskogo v mediatekste = Metaphor in the context of the comical in media texts // *Medialingvistika*. 2020. T. 7. № 2. S. 225–237.

25. Sushenok M. O. Osobennosti reprezentacii koncepta «zlo» v romane M. Bulgakova «Master i Margarita» i tekstah ego perevodov = Representation of the concept «evil» in M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» and its translations // *Filologicheskij aspekt*. 2020. № 12 (68). S. 61–65.

26. Fajzrahmanova A. A., Kozlova K. O. Ob utopicheskikh motivah v publicistike M. A. Bulgakova = On utopian motifs in Bulgakov's journalism // *Kazanskaja nauka*. 2020. № 3. S. 24–26.

27. Fliginskih Ju. Ju. Sposoby rechevoj portretizacii personazha (na primere obraza Fagota-Korov'eva v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita») = Ways of characters' speech portrayal (based on the example of the image of Fagot-Koroviev in M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita») // *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija*. 2020. T. 11. № 1. S. 2.

28. Jablov E. A. Stalinskij diskurs v tvorčestve M. A. Bulgakova = Stalinist discourse in M. A. Bulgakov's work // *Novoe proshloe / The New Past*. 2020. № 2. S. 180–199.

29. Javinskaja Ju. V., Karpuhina V. N. Metamorfoza kak forma hudozhestvennoj real'nosti v romane M. A. Bulgakova «Belaja gvardija» = Metamorphosis as a form of artistic reality in Bulgakov's novel *The White Guard* // *Jazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve*. 2020. № 6. S. 131–136.

30. Ibragimova J. T. Convergence of reality and fiction in the comic as a determination of the phenomena of being // *Voprosy istorii*. 2021. № 7-2. S. 200–205.

31. Prokofeva N. A., Akulovich I. A. The language means of comicality in clickbait headings // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021. T. 20. № 3. S. 151–165.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted on 04.10.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication on 17.11.2022.